

Анна Кирзюк

Российская академия народного хозяйства и государственной службы,
Москва, Россия

Кандидат философских наук

ORCID: 0000-0001-8853-0003

Лаборатория теоретической фольклористики, Институт общественных наук

Российские активисты памяти о Холокосте: что их объединяет и что ими движет*

Аннотация. Статья посвящена активистам памяти о Холокосте в современной России. Материалом для статьи послужили 20 интервью с активистами памяти о Холокосте, записанные на бывших оккупированных территориях (Северный Кавказ, Калмыкия, Брянская и Псковская области) в 2020–2023 гг. Несмотря на возрастающий интерес *memory studies* к мемориальному активизму, сами активисты памяти – их мотивы, их социальные и биографические характеристики – до сих пор не становились объектом специального интереса исследователей. Российские активисты памяти о Холокосте не принадлежат к одной этнической группе и не объединены общими политическими взглядами. В статье показано, что многих активистов объединяет «отделенность» от локального сообщества: несмотря на разный социальный и этнический бэкграунд, они являются для местного сообщества «чужими» по тем или иным параметрам. Эта «отделенность» связана как с природой локального активизма в целом, так и со статусом Холокоста в советско-российской культуре памяти, где поддержание памяти о его жертвах не является обычным и самоочевидным занятием. Нередко стимулом к активизму становится столкновение с иной, «космополитичной» культурой памяти, где Холокост мыслится как одно из важнейших событий Второй мировой войны и существует моральный императив помнить о его жертвах. В статье также выделены и проанализированы мотивы активизма.

Ключевые слова: мемориальный активизм, память о Холокосте в России, «космополитичная» память, культура памяти, «отделенность».

DOI: 10.31168/2658-3364.2024.1-2.05

* Исследование было проведено в рамках грантовой программы Исследовательского центра Частного учреждения культуры «Еврейский музей и Центр толерантности» (Москва) при финансовой поддержке А. И. Клячина.

Для цитирования: Кирзюк А. А. Российские активисты памяти о Холокосте: что их объединяет и что ими движет // *Judaic-Slavic Journal*. 2024. № 11–12 (2024). С. 108–132.

Статья поступила: 24.09.2024. *Принята к публикации:* 01.10.2024.

Введение

Тема мемориального активизма в последние годы привлекает все больше внимания специалистов в области *memory studies*, подтверждением чему может служить недавно вышедший в издательстве “Routledge” справочник на эту тему [Gutman, Wüstenberg 2023]. Однако сами активисты памяти – их личные пути в активизм, мотивы, социальные и биографические характеристики – до сих пор не становились объектом специального интереса исследователей¹. Настоящая статья может частично восполнить этот пробел на российских материалах.

Составители справочника, посвященного активизму памяти, определяют это понятие следующим образом: активизм памяти — это «стратегическая коммеморация спорного прошлого, осуществляемая без участия государства и нацеленная на мнемонические или политические изменения»² [Gutman, Wüstenberg 2023, 4]. Целью мемориального активизма в таком понимании является изменение мемориального ландшафта и – в перспективе – существующего в обществе режима публичной памяти. Некоторые активисты памяти о Холокосте, о которых пойдет речь в этой статье, занимаются мемориальным активизмом именно такого рода. Активисты, добивающиеся обозначения Змиёвской балки как места памяти жертв Холокоста, а не «мирных советских граждан», или пытающиеся установить кенотаф расстрелянным евреям-беженцам в центре ставропольского села, действительно оспаривают господствующий мнемонический режим. Однако существуют и другие формы коммеморации Холокоста, которые не имеют подобных стратегических целей, но могут рассматриваться как активистские. В данной статье термин «мемориальный активизм» (или «активизм памяти») будет пониматься более широко. Активистами памяти я буду называть людей, которые из личных побуждений, а не по предписанию тех или иных институтов поддерживают память о жертвах Холокоста. Формы этой поддержки могут быть разными – расчистка места захоронения, работа по установке памятных знаков, поддержание в порядке памятников и территории

¹ В отличие от политических активистов и градозащитников [см., например: Клеман, Мирясова, Демидов 2010].

² Перевод автора статьи.

вокруг них, поиск имен жертв и сведений о расстрелах, регулярное поминовение жертв в индивидуальном формате, организация коллективных поминальных акций и т. д.

В развитии инфраструктуры памяти о Холокосте важную роль сыграли организации, прежде всего Российский еврейский конгресс (РЕК) и Научно-просветительский центр (НПЦ) «Холокост». Начиная с 2009 г. в рамках программы РЕК «Вернуть достоинство» установлено 92 памятных знака³ жертвам Холокоста на бывших оккупированных территориях. Однако не менее важную роль в создании и функционировании этой инфраструктуры играли и играют местные активисты. Очень часто именно они находят места захоронения жертв, занимаются их первичным обустройством (например, очищают заброшенное место от мусора, устанавливают там самодельные памятные знаки), привлекают к ним внимание местного сообщества и общероссийских еврейских организаций. Нередко именно от них исходит инициатива по установке памятников. Благодаря их деятельности эти памятники «работают», то есть становятся местом регулярной коммеморативной активности.

В первой части статьи речь пойдет об одной характеристике, объединяющей многих российских активистов памяти о Холокосте, и о ее связи с российской культурой памяти. Во второй части статьи я назову и попытаюсь проанализировать эксплицитно проговариваемые и имплицитные мотивы мемориального активизма.

Материал для статьи собирался в рамках проекта «Еврейские коммеморативные практики и современный культ Победы» в 2020–2023 гг. на бывших оккупированных территориях. Во время работы над проектом был сформирован разнообразный и обширный корпус материалов, связанных с памятью о Великой Отечественной войне (ВОВ) и Холокосте, в том числе записано 21 интервью с активистами памяти о Холокосте в Ставрополе и Ставропольском крае, в Брянской области, в Калмыкии, в Псковской области, в Ростове-на-Дону и в Моздоке.

Активисты памяти о Холокосте и «отделенность»

В советское время существовало два типа активистов памяти о Холокосте. Первый тип – группы активистов, поддерживающих семейную и локальную память о Холокосте. Добиваясь установки памятника погибшим или собираясь на месте расстрела, эти люди поминали своих родственников и других земляков. Как правило, это были родственники погибших или выходцы из одного населенного пункта, образующие ква-

³ Подробнее о проекте см. здесь: <https://rjc.ru/ru/projects/project-42> (дата обращения: 01.12.2024).

зиродственную группу. Если такой группе удавалось обустроить место памяти и организовать регулярное коллективное поминовение жертв, то там происходили ежегодные встречи евреев-земляков, в послевоенное время живших уже в других городах Советского Союза. Именно такие группы активистов описывает в своей книге Аркадий Зельцер [Zeltser 2019, 226–231, 239–245]. Второй тип – это активисты протестной (политической) коммеморации. Такие группы состояли из евреев-отказников и еврейских диссидентов, которые поминали не только своих родственников, но и жертв Холокоста вообще и соединяли коммеморацию с политическими требованиями – против государственного антисемитизма, дискриминации и за право евреев на репатриацию⁴. Активисты протестной коммеморации устраивали траурные митинги или в крупных городах, не входивших в зону нацистской оккупации, или приезжали (нередко – из других городов) к Бабьему Яру, который в позднесоветские годы стал не только символом Холокоста, но и символом замалчивания этой трагедии советским государством.

Сегодня таких активистских групп не существует. Группы, объединенные родственными и земляческими узами, распались после массовой эмиграции евреев в 1990-е гг. и по естественным причинам – из-за ухода военного и послевоенного поколений из жизни. Политические требования, которые выдвигали активисты позднесоветской протестной коммеморации, потеряли актуальность. На характер мемориального активизма в целом повлияли изменения в политике памяти и появление институтов, поддерживающих память о Холокосте. После распада СССР в стране появилось несколько организаций, которые создали (и продолжают создавать) инфраструктуру для коммеморации жертв Холокоста как на общенациональном, так и на локальном уровне. Развитие этой инфраструктуры может вызывать сопротивление местных властей и недовольство общественности, однако сама работа активистов уже не выглядит политически неблагонадежной и не преследуется.

Согласно распространенным представлениям, поддержанием памяти о Холокосте занимаются евреи. Люди, так или иначе вовлеченные в коммеморацию Холокоста и не имеющие еврейских корней, неоднократно рассказывали нам, что окружающие или считают их евреями, или шутят по поводу их предполагаемого еврейства. Так, наш собеседник (не еврей) рассказал, что из-за его регулярных походов на место еврейского расстрела сослуживцы в шутку называли его Абрамом [Инф. 1]. В действительности активисты далеко не всегда имеют еврейскую иден-

⁴ Белянин С. Коммеморативные протесты евреев в СССР в 1980-е // Круглый стол «Евреи позднего СССР: путь к культурному возрождению». 19 января 2021 года, Москва. URL: www.youtube.com/watch?app=desktop&v=VNAallPQZRo (дата обращения: 20.09.2024).

тичность и связаны с темой Холокоста через историю семьи. По нашим наблюдениям, люди, пришедшие в активизм через свою семейную историю, составляют среди них меньшинство (среди наших собеседников таких было двое). В то же время среди активистов мы встречали немало людей, не связанных с темой Холокоста через историю семьи и вообще не имеющих еврейских корней. Из 21 нашего собеседника-активиста евреями были 9 человек, трое из них – руководители местных общин (в Кисловодске, Моздоке и Ставрополе). В одном из городов, где мы работали, руководитель еврейской общины был сосредоточен на организации религиозной жизни своих подопечных и мало интересовался темой Холокоста, а коммеморацией жертв Холокоста занимался активист-нееврей⁵.

Итак сегодня, в отличие от советского времени, нельзя говорить об общей этнической принадлежности активистов. Они могут иметь разные точки зрения по поводу государственной политики памяти, разный уровень образования. При взгляде на список наших информантов заметно отсутствие в нем молодых людей: все наши собеседники были старше 45 лет, однако внутри категории «45 плюс» возрастной разброс довольно большой, что не позволяет отнести их к одной поколенческой страте. Что в таком случае их объединяет?

В 1980-е гг. Нехамма Тек попыталась ответить на этот вопрос применительно к польским праведникам народов мира [Тес 1986]. Укрывая еврея в оккупированной Польше, эти люди, во-первых, действовали вразрез с распространенными в обществе представлениями, а во-вторых, подвергали себя большому риску. Тек стремилась понять, с какими факторами была связана готовность людей идти против мейнстримных ценностей, да еще и серьезно рисковать. Была ли связь между готовностью спасти евреев и социальной принадлежностью, образованием, религиозностью или, быть может, политическими взглядами? Она пришла к выводу, что все эти факторы не были определяющими. Что действительно объединяло польских праведников, так это черта, которую Тек обозначает словом “separateness”, то есть «отделенность», обособленность от сообщества. Все эти люди по разным причинам выделялись из сообщества, в котором жили, не являлись его типичными представителями и не были в него в полной мере интегрированы. Тек приводит несколько примеров такой «отделенности»: бедная незамужняя крестьянка, над которой всю жизнь смеялись односельчане; самая богатая в деревне

⁵ Такая ситуация в 2020 г. наблюдалась в Новозыбкове. Главным активистом памяти о жертвах Холокоста была школьная учительница (не еврейка), которая инициировала установку памятника, вместе с учениками приводила в порядок место вокруг него, устраивала ежегодные траурные митинги в годовщину расстрела и даже организовала экспозицию на тему новозыбковского Холокоста в школьном музее.

крестьянка; семья коммунистов, которые не крестили своих детей и не ходили в церковь, что вызывало всеобщее неодобрение; очень религиозная, незамужняя и слишком хорошо образованная для своей социальной среды женщина. Такие примеры исследовательница находит и за пределами Польши. В католической Франции массовое спасение евреев организовал священник общины гугенотов, который был наполовину немцем (то есть нетипичным представителем нетипичного сообщества); в маленьком бельгийском городке еврейского мальчика прятала француженка, которую местное сообщество осуждало за открытый роман с женатым доктором. К аналогичным выводам приходит Даниил Романовский, изучавший рассказы о Холокосте в Белоруссии: евреев спасали в основном люди, бывшие чужаками в своем сообществе [Романовский 1998, 113].

Наши наблюдения показывают, что «отделенность», о которой Нехама Тек говорит применительно к людям, спасавшим евреев во время Холокоста, характеризует многих людей, занимающихся сегодня поддержанием памяти о Холокосте в России. Не все, но многие из них также являются чужими в своем сообществе, выделяются из него по тем или иным критериям.

Здесь необходимо сделать небольшой методологический комментарий. «Отделенность» активиста от местного сообщества не всегда можно зафиксировать с помощью одного только интервью, особенно если интервью записывается в формальной обстановке и в присутствии третьих лиц. Иногда для того, чтобы выяснить степень интегрированности активиста в местное сообщество, нужно побывать у него дома, поговорить на темы, не имеющие прямого отношения к мемориальному активизму (увлечения, взгляды, семейное положение, биография), побеседовать с его знакомыми и коллегами без диктофона. В нашем гайде не было вопросов, которые обычно задают в рамках биографического интервью, однако иногда мы записывали спонтанные автобиографические нарративы активиста. Именно такие спонтанные нарративы и разговоры «не под запись» с соседями и коллегами активиста позволяли заметить его «отделенность» от местного сообщества по тем или иным критериям. Поскольку мы не пытались систематически и целенаправленно выяснять степень интегрированности наших информантов в местное сообщество во время полевой работы, а выборка невелика, трудно утверждать, насколько свойство «отделенности» в целом распространено среди активистов памяти о Холокосте. Однако можно сказать с уверенностью, что это свойство в той или иной степени присуще тем активистам, которые действуют в индивидуальном порядке (а не от имени еврейской общины, например) и не обладают административным ресурсом своей работы. Таким ресурсом располагает школьный учитель, имеющий возможность привлекать школьников к уборке памятника и к поминальным

мероприятиям, или человек, работающий в структуре местной администрации. Активисты, обладающие административным ресурсом, как правило, хорошо вписаны в местное сообщество (хотя могут быть «отделены» от него по какому-то критерию, например быть приезжими). «Отделенность» свойственна тем активистам, которые административным ресурсом не располагают.

Приведу несколько примеров. Александр – один из активистов памяти о Холокосте в селе С. Ставропольского края [Инф. 2]. Он – еврей, семья которого в начале войны жила в Одессе и смогла оттуда эвакуироваться. В Холокосте погибли родственники Александра по линии матери – ее сестры, брат и отец, жившие в Ивано-Франковской области. Об их судьбе Александр узнал, уже будучи взрослым человеком. Через несколько лет после переезда в село С. Александр стал интересоваться историей Холокоста в этих местах. Он начал собирать рассказы жителей о расстреле евреев, о местных праведниках и добиваться установки памятника, на котором была бы указана национальность жертв. В итоге при поддержке РЕК и НПЦ «Холокост» такой памятник на месте гибели евреев, расстрелянных в селе С., был установлен. Сейчас Александр вместе с двумя друзьями занимается обустройством пространства вокруг этого памятника.

Александр отделен от местного сообщества сразу по нескольким параметрам. Во-первых, он – единственный в селе еврей. Во-вторых — приезжий. В-третьих, он родился и прожил большую часть жизни в крупных городах, то есть отличается от местных жителей своим городским габитусом. Примечательно, что друзья Александра, вместе с которыми он составляет «мемориальный актив» села С., тоже выделяются из сельского сообщества. Оба они, в отличие от Александра, местные и не евреи, но при этом оба живут одни, без семьи и в самых аскетичных бытовых условиях. Один из них, Павел Н. [Инф. 3], принципиально не смотрит телевизор, что нехарактерно для россиянина его возраста⁶, живущего в сельской местности [Петрова 2024, 96–100], а также имеет довольно оригинальное для своей среды хобби (коллекционирует старые фотографии и занимается их оцифровкой). Его суждения об истории страны также весьма нестандартны. Другой, Павел М., сказал в интервью, что после смерти отца нашел в его вещах документы, свидетельствующие о дворянском происхождении деда. Трудно судить, насколько история об этой

⁶ См. опрос Левада-центра (АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом России в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – Ред.) о медиапотреблении россиян: среди людей старших возрастов (старше 55 лет) телевизор является самым распространенным средством получения информации: Волков Д., Гончаров С., Парамонова А., Левен Д. Российский медиаландшафт – 2021 // URL: www.levada.ru/2021/08/05/rossijskij-medialandshaft-2021/ (дата обращения: 20.09.2024).

находке соответствует реальности – в данном случае это и неважно. Сам факт – рассказ о дворянском происхождении заезжим интервьюерам – говорит о том, что Павел М. чувствует себя отличающимся от местного сообщества, отделенным от него [Инф. 4].

Анатолий из села А. Ставропольского края организует регулярные поминальные акции у памятника расстрелянным возле села евреям-беженцам, рассказывает о Холокосте местным школьникам, ищет имена жертв и ведет переписку с их родственниками, проживающими в разных странах. Он инициировал установку памятника на месте расстрела возле своего села, а также создал эскизы для памятников жертвам Холокоста в нескольких других населенных пунктах Ставропольского края.

Как и некоторые другие активисты, Анатолий занимается не только восстановлением имен и иных сведений о жертвах Холокоста, но и поиском информации о погибших и пропавших без вести фронтовиках. Возможно, поэтому к его деятельности в селе относятся с уважением; по крайней мере, она ни у кого не вызывает недоумения или непонимания. Впрочем, помощников и единомышленников, по словам самого Анатолия и его односельчан, у него нет, он все делает один. В отличие от активистов, о которых шла речь выше, он не выносит никаких оппозиционных суждений ни о прошлом, ни о настоящем. Однако некоторая «отделенность» Анатолия от местного сообщества все же заметна. Несмотря на то, что местные жители к его деятельности относятся с уважением, они считают его «странным». Друзей и семьи у Анатолия нет, он живет один, а его дом выглядит весьма аскетично по сравнению с домами соседей. Помимо работы по поддержанию памяти о жертвах войны и Холокоста Анатолий имеет увлечения, не характерные для его односельчан – он собирает гербарии, публикует заметки в местных газетах и пишет рассказы для сайта «Проза.ру». Личным стимулом к мемориальному активизму для Анатолия стала, по его словам, смерть родителей [Инф. 5].

Сергей из города М., не имея еврейских корней, на протяжении многих лет ходит на место расстрела евреев, занимается уборкой территории и починкой установленных там памятников. История привязанности Сергея к этому месту началась в детстве, когда он был в буквальном смысле отделен от семьи – остался, по его словам, «сиротой при живых родителях» и был отправлен в интернат. По выходным, когда большинство интернатских детей разъезжались по домам, Сергею ехать было некуда, и он время от времени приходил на место расстрела, где помянуть погибших родственников собирались евреи. Изначально Сергей приходил туда с практической целью, для заработка – чтобы собирать, а затем сдавать пустые бутылки. Однако поминающие были добры к нему и всегда его чем-то угощали, так что постепенно он эмоционально вовлекался в поминовение:

С интерната ходил. Я же говорю, там евреев много очень приходило. Они там... ну, пили. Ну а я приходил к ним, ливерная колбаса была, они меня угощали. Ну я не один приходил. Бутылки собирали и [на вырученные деньги] конфеты покупали <...> Они там приходили и, как говорится, вспоминали своих родителей <...> Пьянствовали и плакали. И я с ними плакал, плакал иногда [Инф. 1].

Так, лишившись родной семьи, Сергей нашел некое подобие семьи в сообществе поминающих евреев.

Локальный активизм и «отделенность» активистов

«Отделенность» свойственна не только активистам памяти о Холокосте. Активисты другой памяти тоже нередко оказываются чужаками в местном сообществе. Ольга, жительница деревни в Вологодской области, занимается коммеморацией участников ВОВ: собирает воспоминания местных жителей о воевавших земляках и военном времени, организует поминальные акции на 9 Мая, занимается поиском имен погибших [Инф. 6]. Ее деятельность воспринимается местными жителями позитивно, некоторые из них включаются в ее работу. В отличие от жертв Холокоста, участники ВОВ находятся в фокусе официальной политики памяти, а необходимость поддерживать память о них не подвергается сомнению. Однако, как и многие активисты памяти о Холокосте, Ольга не является типичным представителем местного сообщества: всю жизнь она прожила в большом городе и занималась интеллектуальным трудом, а в деревню переехала несколько лет назад после выхода на пенсию. Для местных жителей она не только социально чужая, но и «неместная». Однако именно она занялась коммеморацией местных участников ВОВ. Пример Ольги показывает, что локальный мемориальный активизм как таковой – вне зависимости от того, на каких событиях прошлого он сосредоточен – в большей степени привлекает людей, отделенных от сообщества, чем людей полностью в него вписанных.

Приведу еще один пример уже из области урбанистического активизма. Летом 2021 г. заброшенный сквер в одном из старых районов Петербурга стал объектом низового благоустройства: группа активистов и их соседи убрали там мусор, подстригли траву, сделали самодельное освещение и скамейки из палет. Записав интервью с несколькими активистами, я выяснила, что все они были новыми жителями района, а главным инициатором благоустройства оказалась девушка, недавно приехавшая из другого города. В интервью она удивлялась тому, что местные жители на протяжении многих лет не замечали того, что сквер

пребывает в запустении, и не предпринимали никаких попыток как-то это исправить [Инф. 7].

Исследователи российского городского и политического активизма 2000-х гг. заметили, что активистами часто становятся люди, имеющие нестандартную семейную историю, нестандартную биографию и/или имеющие опыт взаимодействий в разных социальных средах [Клеман, Мирясова, Демидов 2010, 580–611]. Это наблюдение согласуется с тем, что социальная теория говорит о фигуре «чужака» или «маргинального человека». Начиная с Георга Зиммеля и Роберта Парка эти термины не имеют присущих обыденному словоупотреблению негативных коннотаций, а обозначают человека, совмещающего несколько идентичностей и культур и не вписанного полностью ни в одну из них. В социальной теории «маргинальный человек» понимается как носитель культурно нестандартного мышления и поведения, как агент перемен [Николаев 2010, 357–358]. К этому можно добавить, что взгляд чужака обладает большей способностью к проблематизации сложившегося положения дел, чем взгляд местного жителя: то, что местному жителю кажется совершенно естественным и нормальным (будь то отсутствие памятного знака или отсутствие скамеек), чужаку таковым не кажется. Восприятие некоторого положения дел как ненормального, в свою очередь, становится стимулом к активизму.

Холокост в российской культуре памяти

«Отделенность» активистов памяти о Холокосте имеет дополнительное измерение, связанное со статусом Холокоста в постсоветской культуре памяти. Исследователи, использующие термин «культура памяти», не всегда определяют его содержание. Нередко он используется как синонимичный понятиям «культурная память» и «модель памяти». Под «культурой памяти» может пониматься набор событий, которые в той или иной стране считаются достойными мемориализации [Подольский 2019], или доминирующие нарративы о прошлом [Никжентайтис 2012]. Я использую это понятие, трактуя его чуть более широко, включая в него не только доминирующие нарративы о прошлом и представления группы о важных (достойных мемориализации) событиях, но и набор практик, с помощью которых об этих событиях принято вспоминать.

Развитие инфраструктуры памяти о Холокосте, которым занимаются активисты, нередко вызывает сопротивление местных администраций, возмущение жителей, что приводит к конфликтам. Александр из ставропольского села С. пытался установить на центральной площади кенотаф в память о расстрелянных евреях-беженцах. При этом на месте расстрела есть памятник, однако это место находится в поле за селом. Алексан-

дру хотелось вписать историю уничтожения евреев в мемориальный ландшафт села. Местная администрация сначала сопротивлялась. После долгой борьбы с чиновниками, после привлечения РЕК, НПЦ «Холокост» и журналистов разрешение на установку кенотафа было получено. Однако это не понравилось группе местных жителей-казаков. По словам Александра, противники кенотафа высказались следующим образом: «Здесь не может быть еврейского памятника! При чем здесь евреи? Тут никогда их не было». Один из казаков заявил, что его отец, чьи останки покоятся в братской могиле фронтовиков на той же площади, «не будет лежать рядом с еврейской звездой» [Инф. 2].

Деятельность активистов памяти о Холокосте вызывает сопротивление или – как в описанном выше случае – из-за антисемитизма некоторых местных жителей, или – как в конфликте вокруг Змиёвской балки в Ростове-на-Дону – из-за нежелания чиновников и горожан делить с евреями статус главных жертв войны [подробнее см.: Кирзюк 2024]. Но эта деятельность не всегда приводит к конфликтам. Иногда появление памятников жертвам Холокоста остается незамеченным, а если замечается, то не вызывает у местного сообщества эмоционального отклика. И практически никогда активизм памяти о Холокосте не встречает ответного энтузиазма со стороны местных жителей – в отличие, например, от инициатив, связанных с коммеморацией участников ВОВ.

В российской культуре памяти центральным событием прошлого является ВОВ. Память о фронтовиках не только активно поддерживается государством, но и опирается на развитую, существующую еще с советских времен инфраструктуру. Холокост не воспринимается как событие, обладающее особой моральной значимостью и обязательное для поминовения. Это отличает Россию и другие постсоциалистические страны от стран Западной Европы и США, где принята так называемая «космополитичная» культура памяти. В ее основе лежит идея, что Холокост – это центральное событие Второй мировой войны и ее главный моральный урок, беспрецедентное преступление, о котором важно помнить, чтобы не допустить его повторения в будущем [Levy, Sznajder 2002].

В коллективной памяти россиян Холокост занимает довольно маргинальное положение. Об этом говорит исследование, в ходе которого жителей 11 стран просили назвать 10 наиболее важных событий Второй мировой войны. В ответах немцев и французов события, связанные с Холокостом, оказались на втором месте, в ответах жителей англоязычных стран – на третьем, а у россиян Холокост вообще не вошел в топ-7 самых важных событий [Abel et al. 2019, 182].

При этом нельзя сказать, что россияне не знают о Холокосте. Так, в 2020 г., когда мы начали работу над проектом, подавляющее большинство респондентов (87%), по результатам исследования «Антисемитизм и ксенофобия в современной России», знали о геноциде евреев, и только

12% опрошенных никогда не слышали о нем⁷. Однако это знание оказалось не очень глубоким: вопрос о масштабах трагедии вызвал у респондентов затруднения (больше половины не смогли ответить на него или отказались отвечать). Центральная для «космополитичной» памяти идея, согласно которой Холокост несет важный моральный урок, не является общепринятой: чуть больше половины (55%) респондентов считают важным рассказывать школьникам о Холокосте и притеснении евреев в разные периоды российской истории, а около трети опрошенных (31%) возражают против таких рассказов в школе, считая их лишними для воспитания новых поколений.

Такое положение Холокоста в отечественной культуре памяти связано с советской политикой памяти, в результате которой на протяжении многих лет евреи не выделялись в особую категорию жертв нацистов, и упоминания о целенаправленном уничтожении еврейского населения отсутствовали в публичном пространстве: памятники, музейные экспозиции и учебники истории говорили о «мирных советских гражданах» или анонимных «жертвах фашизма».

В результате многие люди, родившиеся после войны на бывших оккупированных территориях (в том числе и евреи), в советское время или не знали о местном Холокосте, или знали о нем, по выражению одной нашей собеседницы, просто как о факте.

Собиратель: Вот в советское время в школе про Холокост ничего не говорили, но, тем не менее, вы знали, что есть Карховский лес, что вот там расстреляли всех евреев города Новозыбкова?

Н. Б.: *Как факт* [курсив мой. – А. К.]. Просто здесь было вот это, больше абсолютно ничего... <...> Вообще этот район [примыкающий к Карховскому лесу], я не знала, что он есть, мы жили в центре...

Соб.: Но тем не менее, вы знали, что там расстреливали?

Н. Б.: Да. Просто вот *как факт*, и еще потому, что вот тетя Аня, что там была, что вот вели евреев, ее буквально из ямы [вытащили] и вот так это все [Инф. 8].

Тетя Аня, о которой говорит Н. Б., – это Анна Исакович, единственная из новозыбковских евреев, которой в 1942 г. удалось спастись от расстрела. История этого спасения известна многим пожилым жителям Новозыбкова, которые рассказывают ее в разных вариантах, а писатель

⁷ Гудков Л. Антисемитизм и ксенофобия в современной России (по материалам исследования «Левада-Центра» 2020 года). URL: <https://institute.eajc.org/антисемитизм-и-ксенофобия-в-современ/> (дата обращения: 20.09.2024). АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом России в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – Ред.

Яков Раскин написал о нем книгу, отрывки из которой публиковались в местных СМИ⁸. Однако знание *факта* еврейского расстрела никогда не становилось для нашей собеседницы стимулом к какому-либо коммеморативному действию. Она призналась, что в Карховском лесу была один раз в детстве и ничего не знает об установленном там несколько лет назад новом памятнике с именами жертв. В то же время Н. Б. активно вовлечена в коммеморацию фронтовиков. На протяжении нескольких лет она участвует в шествиях «Бессмертного полка», куда приходит с портретами родителей, и очень хвалит эту акцию за возрождение «памяти о людях, которые ушли» [Инф. 8]. Во время интервью она показала собирателям эти портреты и подробно рассказала о судьбе родителей-фронтовиков. Вопросы, связанные с историей местного Холокоста, вызывали у нее заметное затруднение, а ответы на них были гораздо более лаконичными.

Для нашей собеседницы из Новозыбкова, как и для многих других евреев, выросших в СССР, память о местном Холокосте существовала и продолжает существовать в режиме «знания без поминовения». Многие наши собеседники, будучи носителями советско-российской культуры памяти, выходили из этого режима после знакомства с другой, «космополитичной» культурой памяти. Как правило, это знакомство происходит или в результате процесса, который можно назвать «передачей памяти назад», или благодаря работе западных институций, занятых изучением Холокоста.

Елена Носенко-Штейн заметила, что во многих семьях российских евреев передача еврейских традиций происходит «назад через поколение»: молодые люди узнают азы иудаизма и еврейской традиции в еврейских общинах и молодежных организациях и затем обучают своих ассимилированных родителей, бабушек и дедушек [Носенко-Штейн 2013, 282]. Наши наблюдения показывают, что память о Холокосте так же нередко передается не от старших родственников к младшим, а наоборот – от младших членов семьи к старшим. Молодые люди соприкасаются с «космополитичной» культурой памяти в еврейских организациях и передают ее своим старшим родственникам, которые до этого знали о жертвах Холокоста в истории семьи «просто как о факте». Например, наша собеседница из Пскова с детства знала, что ее бабушка погибла во время оккупации, но начала интересоваться этой историей после того, как «дети стали ездить в еврейские лагеря» [Инф. 9].

Импульсом для деятельности локальных активистов памяти (как евреев, так и неевреев) нередко становился приезд команды «Яхад-Ин

⁸ См., например, здесь: *Раскин Я.* Феникс из Карховки // Новозыбков.Ru. 23 сентября 2014 года. URL: <https://novozybkov.ru/retroscope/archives/599> (дата обращения: 20.09.2024).

Унум»⁹ или фонда Стивена Спилберга, которые записывали воспоминания свидетелей Холокоста на бывших оккупированных территориях в 2000–2010-х гг.

Упомянутый выше Александр из села С. начал заниматься темой местного Холокоста после того, как там побывала команда французского фонда «Яхад-Ин Унум». Представители «Яхад-Ин Унум» приезжали туда в 2012 г., после чего Александр осознал, что многие жители, родившись и прожив в селе всю жизнь, ничего не знали об уничтожении еврейских беженцев. В интервью он рассказал нам об удивлении, которое вызвал у него этот факт:

Александр: Я не в курсе был [про приезд Яхад-Ин Унум]. А прибежал Федор Петрович: «Тут, оказывается...». Я говорю: «Ну я знаю, что тут расстрел был».

Собиратель: А он не знал без француза?

А.: Да. Меня это так удивило. Я говорю: «Как это вы не знали? Вот же». Показал ему [статью о местном расстреле евреев]. Побежали искать памятник, где-то он стоял. Поехали мы искать с ним. Нашли этот памятник.

Соб.: Это было уже, когда Патрик Дебуа уехал?

А.: Да. Я потом нашел всех, с кем он встречался. Мы приехали, нашли этот памятник. Звоним главе администрации. Он примчался тоже: «Как?»

Соб.: То есть он тоже не знал?

А.: Абсолютно. Всю молодежь спрашиваем, никто ничего не знает. Я говорю: «Ну как же так? Как же это может быть?» Меня это зацепило уже. А там стоит такой деревянный обелиск небольшой [Инф. 2].

Примечательно, что, хотя сам Александр *знал* о еврейском расстреле, до приезда команды «Яхад-Ин Унум» это знание не побуждало его к мемориальному активизму. Только после приезда французской группы Александр побывал на месте расстрела, начал искать и расспрашивать очевидцев расстрела и их потомков. В итоге он даже нашел трех предполагаемых праведников мира и передал сведения о них в «Яд Вашем». Визит французских интервьюеров и открывшееся вслед за ним незнание жителей о местных событиях Холокоста подтолкнули Александра к созданию места памяти. Вместе с двумя единомышленниками он добился установки нового памятника на месте расстрела, занялся его расчисткой и обустройством, а также попытался установить кенотаф расстрелянным евреям в центре села.

⁹ Проект «Яхад-Ин Унум» был основан французским пастором Патриком Дебуа. Команда проекта ищет места Холокоста на территориях бывшего Советского Союза и записывает интервью с местными жителями, заставшими оккупацию. Экспедиции проекта по бывшим оккупированным территориям современной России начались в 2009 г. См. сайт проекта: www.yiu.ngo/en/about-us/ourmission (дата обращения: 20.09.2024).

Что касается жителей села С., то кто-то после приезда «Яхад-Ин Унум» впервые узнал о еврейском расстреле, а кто-то давно знал о нем, но просто не воспринимал это знание как важное. Когда Александр начал их расспрашивать, то выяснилось, что «пожилые люди, старушки все, они помнят» [Инф. 2].

Похожие истории нам рассказывали в других населенных пунктах Ставропольского края. Такую же историю описывает автор статьи о мемориализации жертв Холокоста в с. Александровка Ростовской области. Там все началось с публикации интервью местной журналистки со своей бабушкой, которая вспомнила, как в 1942 г. в селе расстреливали еврейских беженцев. Узнав о расстреле из этой публикации, местные краевед и историк выяснили, что двумя годами ранее в село приезжала команда «Яхад-Ин Унум», получили материалы записанных французами интервью и занялись мемориализацией жертв [Курочкин 2020]. С высокой вероятностью можно предполагать, что идея расспросить бабушку и опубликовать ее рассказ возникла у журналистки именно под влиянием работы в селе «Яхад-Ин Унум».

Во всех подобных случаях приезд иностранной съемочной группы не только подтолкнул некоторых жителей к мемориальному активизму, но и стимулировал индивидуальные воспоминания очевидцев, которых раньше на тему Холокоста просто никто не расспрашивал. Для местных жителей – носителей советско-российской культуры памяти – эта тема не была значимой и не вызывала интереса. В этой культуре высокой значимостью обладают воспоминания о других аспектах войны: рассказы ветеранов об их фронтовом опыте, рассказы детей войны о тяготах жизни в тылу и на оккупированных территориях. Приезд интервьюеров из «Яхад-Ин Унум» или фонда Спилберга стал своего рода прививкой другой («космополитичной») культуры памяти, где Холокост мыслится как одно из важнейших событий Второй мировой войны и существует моральный императив помнить о его жертвах. Благодаря этому инокультурному влиянию история местного Холокоста вышла из зоны невидимости: как выразился наш собеседник Александр, он и некоторые другие жители села «глаза пооткрывали» [Инф. 2]. В терминах Мориса Хальбвакса [Хальбвакс 2007] можно сказать, что приезд иностранного фонда, собирающего воспоминания о Холокосте, создал социальную рамку, где эти воспоминания обрели ценность и актуальность, которой до того были лишены. В результате воспоминания о расстреле евреев оказались востребованными и записанными, а тем, у кого «открылись глаза», перестало казаться нормальным заброшенное состояние места расстрела и всеобщее незнание о его жертвах.

Представляется, что статус Холокоста в советско-российской культуре памяти и инокультурное происхождение морального императива, предписывающего помнить о его жертвах, может, по крайней мере отчасти,

отчасти объяснить «отделенность», свойственную многим активистам памяти о Холокосте. «Отделенность» польских праведников, о которых писала Нехама Тек, способствовала тому, что они совершали поступки рискованные и идущие вразрез с нормами их культуры. «Отделенность» российских активистов памяти о Холокосте, по-видимому, располагает их к выходу за рамки родной культуры памяти и делает более восприимчивыми к влиянию культуры «чужой». Здесь уместно вспомнить, что в социальной теории «маргинальный человек» мыслится как носитель космополитического начала [Баньковская 2002, 8], как агент перехода «из узких и партикулярных миров в более широкий, инклюзивный и универсальный» [Николаев 2010, 363].

Эксплицитные и имплицитные мотивы активизма

«Отделенность» активистов памяти, о которой шла речь выше, можно рассматривать как фактор особой предрасположенности к активизму, но нельзя рассматривать как его мотив. Дальше я перечислю несколько мотивов активизма памяти о Холокосте. Некоторые из них проговариваются в интервью, некоторые – не проговариваются эксплицитно, но могут быть выделены при анализе всех высказываний активиста.

Один из мотивов можно обозначить как моральный долг перед мертвыми. Этот мотив всегда прямо проговаривается, и, видимо, является наиболее распространенным мотивом активизма, связанного с памятью о массовых убийствах. Например, этот мотив был исключительно важен для деятельности советских поисковиков, так называемых красных следопытов. Для многих из них триггером к поисковой работе становилось столкновение с останками безымянных солдат, лишенных «правильного» места погребения, и вызванное этим чувство вины перед мертвыми [Мельникова 2018, 25–26, 45–46]. О таких же чувствах говорили некоторые наши собеседники. Так, активистка памяти о Холокосте из Новозыбкова рассказала, что когда она впервые оказалась на месте расстрела евреев, там стоял ветшающий и совершенно заброшенный советский памятник «жертвам фашизма», вокруг которого валялись пустые бутылки и прочий бытовой мусор. От увиденного, по ее словам, ей стало «стыдно перед мертвыми» [Инф. 10]. Ощущение «долга перед мертвыми» побудило французского священника Патрика Дебуа заняться поиском мест расстрелов евреев в постсоветских странах [Desbois 2008, 4] и основать фонд «Яхад-Ин унум».

Другой мотив активизма памяти о Холокосте – это участие в дарообмене, в котором активист или рассчитывает получить от некоторой сверхъестественной сущности ответный дар за свою работу, или же воспринимает свою работу как «отдарок» за полученное когда-то благодетелем.

яние. Этот мотив активизма, насколько мне известно, не становился предметом исследовательского интереса. О нем активисты могут прямо говорить в интервью, а могут и не упоминать. Приведу несколько примеров.

Пастор пятидесятнической церкви в начале 2000-х гг. обнаружил место расстрела евреев-беженцев в одной станице Ставропольского края и приложил немало усилий для того, чтобы на этом месте появился памятник с указанием национальности жертв. На наши вопросы о том, почему он этим занялся, пастор говорил и о долге перед мертвыми, и о разных биографических обстоятельствах, а в конце интервью процитировал Книгу Бытия: «Благословляющих тебя благословлю, проклинающих тебя прокляну. Так [пришла идея] благословлять еврейский народ, получить от Бога благословение» [Инф. 11].

Шамса, жительница горного села в Кабардино-Балкарии, рассказывала нескольким журналистам о месте на территории села, где, по ее детским воспоминаниям, нацисты расстреляли несколько еврейских семей. Нашу собеседницу беспокоил не только тот факт, что это место никак не обозначено, но и то, что родственники расстрелянных ничего не знают о месте их гибели. В интервью она рассказала, что ее семья тоже ничего не знает о том, где умер и покоится ее дядя – это произошло в каком-то неизвестном месте то ли в ссылке, то ли по дороге в ссылку. Шамса также высказала идею, что если она позаботится о памяти расстрелянных евреев, то кто-то так же позаботится о памяти ее безвестно погибшего дяди [Инф. 12].

Активист Сергей, ухаживающий за памятниками на месте расстрела в городе М., был, как упоминалось выше, в детстве оставлен родителями. Сергей рассказал, что один учитель-еврей из интерната заменил ему отца и «научил думать», а также помог закончить школу. Сергей сказал, что, когда родственники расстрелянных время от времени пытаются отблагодарить его за заботу о памятниках деньгами, он отказывается их брать, объясняя это так: «Я к этому как к святому делу отношусь» [Инф. 1]. В терминах теории дара отказ Сергея брать деньги можно интерпретировать по-другому: возможно, его работа является актом благодарности, то есть отдарком за то хорошее, что сделал для него учитель-еврей, а также за доброту других евреев, с которыми он сталкивался в детстве, а принятые деньги нарушат логику дарообмена.

Еще один мотив активизма памяти о Холокосте – это так называемое мемори-диссидентство, или поддержка разных немейнстримных нарративов о ВОВ. Во время полевой работы нам встретились лишь два активиста, которых можно было бы охарактеризовать как мемори-диссидентов, однако это явление, как мне кажется, заслуживает упоминания. «Диссидентский» мотив не проговаривается самими активистами. После интервью с двумя ростовскими активистами памяти о Холокосте стало

понятно, что их вовлеченность в тему Холокоста сочетается с интересом к другим немейнстримным и оппозиционным нарративам о войне.

Первый из них, В., узнал о своих еврейских корнях, будучи студентом, и уже в гораздо более зрелом возрасте выяснил, что его прабабушка погибла на Змиёвской балке. Когда начался конфликт по поводу таблички на мемориале в Змиёвской балке¹⁰, он включился в него на стороне еврейской общины – посещал все судебные заседания и намеревался выступить в суде за сохранение надписи о Холокосте. В. регулярно поминает жертв ростовского Холокоста, посещая мемориал в годовщины расстрела и 27 января. Он делает это не как член еврейской общины, а в индивидуальном порядке. Обнаружение еврейских корней не стало основой для новой идентичности В., или, точнее, не отвратило его от прежней: на момент интервью он идентифицировал себя как «русского националиста» и коммуниста. (В скобках замечу, что наличие нескольких разных и даже противоречащих друг другу идентичностей характеризует, по Роберту Парку, «маргинального человека» [Park 1928].) В истории войны для него значим не только Холокост, но и другие маргинальные для официального нарратива сюжеты. В интервью с нами он упомянул частный музей казачества в станице Еланской и дал понять, что относится к музею сочувственно, а также заметил, что у разных групп, продвигающих разные трактовки ВОВ, есть «своя правда» [Инф. 13].

Второй активист памяти о Холокосте, А., имеет совсем иные идейные предпочтения: во время интервью он цитировал Солженицына, Галича и других авторов, важных для позднесоветской диссидентской культуры. Однако он так же, как и В., эмоционально вовлечен в историю ростовского Холокоста и так же толерантен к другим немейнстримным нарративам о ВОВ. Не имея еврейских корней, он участвует в конфликтах вокруг Змиёвской балки на стороне еврейской общины, а также регулярно поминает жертв ростовского Холокоста, делая это в индивидуальном порядке [Инф. 14]. Как и В., он сочувственно относится к оппозиционному музею казачества в Еланской.

Об этом музее следует сказать отдельно. Он был открыт в 2007 г. казачом и предпринимателем Владимиром Мелиховым. Экспозиция подробно освещает преступления советской власти и сопротивление казачества. Музей неоднократно становился объектом нападков со стороны властей, главная причина которых – мемориал атаману Краснову, установленный на территории музея. Во время Гражданской войны Краснов был лидером антибольшевистского казачьего сопротивления, а во время Второй мировой сотрудничал с немцами, возглавляя Отдел по делам ка-

¹⁰ Конфликтующие стороны выясняли, должна ли эта табличка сообщать о «мирных советских гражданах» или о жертвах Холокоста. Подробнее см.: Rebrova 2020, 128–137; Кирзюк 2024.

зачества в составе вермахта. Очевидно, что мемориализация такого персонажа противоречит официальному нарративу о ВОВ. Под давлением властей Мелихов изменил атрибуцию памятника; теперь официально это «памятник казаку», но портретное сходство с Красновым никуда не исчезло и по-прежнему заметно многим посетителям [Курилла 2022, 126–127; Миллер 2023, 322–323].

На первый взгляд кажется, что сочувственное отношение к мемориализации казаков-коллаборационистов несовместимо с активизмом памяти о Холокосте. Однако виктимный нарратив о казаках и нарратив о Холокосте имеют нечто общее: оба они маргинализированы в рамках официального российского нарратива о ВОВ, хотя и по разным причинам.

Чтобы объяснить, каким образом один и тот же человек может поддерживать столь плохо сочетающиеся друг с другом нарративы о прошлом, можно обратиться к концепции «стигматизированного» знания Майкла Баркана. Этим термином Баркан обозначает идеи, которые игнорируются или отрицаются официальными институтами в лице научного сообщества, представителей власти и мейнстримных медиа: теории заговора, рассказы об НЛО, альтернативная история, псевдомедицинские теории и т. п. Он заметил, что носители одной формы стигматизированного знания склонны доверять и другим теориям, которые находятся в оппозиции к мейнстриму. Так, поклонник теорий заговора будет с большой вероятностью питать симпатию к альтернативной истории, а приверженец одной альтернативной версии исторического события будет соглашаться и с другой альтернативной версией того же события даже в том случае, если эти две версии противоречат друг другу. Для него важно не столько конкретное наполнение той или иной теории, сколько факт ее стигматизации со стороны официальных институтов [Barkun 2015].

По-видимому, симпатии мемори-диссидентов к разным «стигматизированным» нарративам о значимых событиях прошлого устроены таким же образом: факт стигматизации этих нарративов в рамках официальной концепции памяти о ВОВ оказывается более значимым, чем противоречия между ними. Возвращаясь к активистам В. и А., можно сказать, что по крайней мере одним из мотивов их вовлеченности в коммеморацию Холокоста является оппозиционность по отношению к официальному нарративу о войне; этот мотив настолько важен, что противоречия между разными альтернативными нарративами оказываются несущественными.

Заключение

Российские активисты памяти о Холокосте не объединены общей этнической, социальной или идейно-политической принадлежностью.

Объединяющая многих активистов черта – «отделенность» от местного сообщества. Учитывая методологические ограничения данного исследования, трудно понять, насколько эта характеристика распространена среди российских активистов памяти о Холокосте. Можно с уверенностью сказать, что она отличает и объединяет активистов, действующих не от имени организаций и не располагающих административным ресурсом для своей деятельности.

Вывод об «отделенности» активистов памяти о Холокосте согласуется с положениями социальной теории о фигуре чужака/маргинала – он мыслится как носитель космополитического начала и агент перемен, – а также с наблюдениями социологов об отличительных чертах политических активистов. «Отделенность» или, в иной терминологии, «маргинальность», вообще является фактором предрасположенности к локальному активизму, будь то активизм мемориальный, городской или политический. Локальный активизм начинается с проблематизации некоторого сложившегося положения вещей и часто предполагает нестандартный, не «нормальный» для местного сообщества образ действий, чему «отделенность» способствует. В случае коммеморации Холокоста активизм предполагает выход за рамки советско-российской культуры памяти, где забота о мемориализации Холокоста и публичная коммеморация его жертв не являются нормой, и открытость к нормам чужой («космополитичной») культуры. Именно «чужаки» обладают важной для такого активизма критической дистанцией по отношению к автохтонной культуре памяти и оказываются восприимчивыми к чужой культуре.

Мотивы, которыми руководствуются активисты памяти о Холокосте, не исчерпываются чувством долга перед мертвыми. В отдельных случаях мотивами становится стремление вернуть или получить некоторый нематериальный дар и стремление противостоять официальному мейнстримному нарративу о войне (мемори-диссент).

Список информантов

- Инф. 1 – Сергей Н., 1950 г. р., Ставропольский край.
- Инф. 2 – Александр Р., 1946 г. р., Ставропольский край.
- Инф. 3 – Павел Н., 1949 г. р., Ставропольский край.
- Инф. 4 – Павел М., 1954 г. р., Ставропольский край.
- Инф. 5 – Анатолий К., 1950 г. р., Ставропольский край.
- Инф. 6 – Ольга К., 1957 г. р., Вологодская область.
- Инф. 7 – Александра С., 1991 г. р., Санкт-Петербург.
- Инф. 8 – Нина Б., 1952 г. р., Новозыбков.
- Инф. 9 – Татьяна Е., ок. 1960 г. р., Псков.
- Инф. 10 – Галина В., 1961 г. р., Новозыбков.

Инф. 11 – Владимир С., 1958 г. р., Ставропольский край.

Инф. 12 – Шамса М., 1935 г. р., Кабардино-Балкарская Республика.

Инф. 13 – В., 1959 г. р., Ростов-на-Дону.

Инф. 14 – А., 1957 г. р., Ростов-на-Дону.

Источники и литература

Баньковская 2002 – *Баньковская С. П.* Чужаки и границы: к понятию социальной маргинальности // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 457–467.

Кирзюк 2024 – *Кирзюк А. А.* Змиёвская балка (Ростов-на-Дону): память о Холокосте в конкуренции жертв // Фольклор и антропология города. 2024. Т. VI. № 1/2. С. 14–38.

Клеман, Мирясова, Демидов 2010 – *Клеман К., Мирясова О., Демидов А.* От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010. 688 с.

Курилла 2022 – *Курилла И. И.* Битва за прошлое: как политика меняет историю. М.: Альпина Паблишер, 2022. 232 с.

Курочкин 2020 – *Курочкин Е. В.* Расстрелы еврейских беженцев в Александровском районе Ростовской области в период оккупации: источники, методика и проблемы исследования // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы. Мат-лы всерос. науч. конференции (Ростов-н/Д, 10–11 сентября 2020). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2020. С. 409–417.

Мельникова 2018 – *Мельникова Е. М.* Руками народа: следопытское движение 1960–1980-х гг. в СССР // Антропологический форум. 2018. № 37. С. 19–53.

Миллер 2023 – *Миллер А. И.* Политика памяти в южных регионах России (Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края) // Политика памяти в России – региональное измерение / под ред. А. И. Миллера, О. Ю. Малиновой, Д. В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2023. С. 298–334.

Нижентайтис 2012 – *Нижентайтис А.* Модели памяти и культурных воспоминаний: Польша, Литва, Россия, Германия // Слово.ру: Балтийский акцент. 2012. № 3. С. 17–32.

Николаев 2010 – *Николаев В. Г.* Человек маргинальный // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 354–372.

Носенко-Штейн 2013 – *Носенко-Штейн Е. Э.* «Передайте об этом детям вашим, а их дети следующему роду»: Культурная память у российских евреев в наши дни. М.: ИВ РАН; МБА, 2013. 575 с.

- Петрова 2024 – *Петрова Д. В.* Потребление новостей в сельской местности: (не)доверие и стратегии верификации информации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 4. С. 91–114.
- Подольский 2019 – *Подольский А. Е.* Культура памяти о жертвах Холокоста в современной Украине: тенденции и перспективы // Сохранение памяти о Холокосте на постсоветском пространстве. Международная конференция, 21–22 ноября 2019 г. Тель-Авив. Р. 153–167.
- Романовский 1998 – *Романовский Д.* Холокост глазами евреев – его жертв: на примере Восточной Белоруссии и Северо-Западной России // Вестник Еврейского ун-та в Москве. 1998. № 1(17). С. 84–119.
- Хальбвакс 2007 – *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
- Abel et al. 2019 – *Abel M., Umanath Sh., Fairfield F., Takahashi M., Roediger H., Wertsch J.* Collective Memories across 11 Nations for World War II: Similarities and Differences Regarding the Most Important Events // Journal of Applied Research in Memory and Cognition. 2019. No. (8). P. 178–188.
- Barkun 2015 – *Barkun M.* Conspiracy Theories as Stigmatized Knowledge // Diogenes. 2015. Vol. 62 (3-4). P. 114–120.
- Desbois 2008 – *Desbois P.* The Holocaust by Bullets. A Priest's Journey to Uncover the Truth Behind the Murder of 1.5 Million Jews. London: Palgrave Macmillan, 2008. 233 p.
- Gutman, Wüstenberg – *Gutman Y., Wüstenberg J., eds.* The Routledge Handbook of Memory Activism. London, 2023. 558 p.
- Levy, Sznajder 2002 – *Levy D., Sznajder N.* Memory unbound: The Holocaust and the formation of cosmopolitan memory // European Journal of Social Theory. 2002. Vol. 5. No. 1. P. 87–106.
- Park 1928 – *Park R.* Human Migration and the Marginal Man // American Journal of Sociology. 1928. Vol. 33. No. 6. P. 881–893.
- Rebrova 2020 – *Rebrova I.* Re-constructing grassroots holocaust memory: The case of the North Caucasus. Berlin: De Gruyter Oldenbourg, 2020. 369 p.
- Tec 1986 – *Tec N.* When Light Pierced the Darkness. Christian Rescue of Jews in Nazi-occupied Poland. NY, Oxford: Oxford University Press, 1986. 262 p.
- Zeltser 2019 – *Zeltser A.* Unwelcome memory: Holocaust monuments in the Soviet Union. Jerusalem: Yad Vashem, 2019. 372 p.

Russian Holocaust Memory Activists: Some Shared Characteristics and Motives*

Anna Kirziuk

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

Cand. Sci. (Philosophy)

Laboratory of Theoretical Folklore Studies, Institute of Social Sciences

ORCID: 0000-0001-8853-0003

Abstract. The article focuses on the Holocaust memory activists in today's Russia. The article is based on 20 interviews with the Holocaust memory activists conducted in the former Nazi-occupied territories (North Caucasus, Kalmykia, Bryansk and Pskov regions) in 2020–2023. Despite the growing interest of memory studies to the topic of memorial activism, memory activists themselves – their motives, their social and biographical characteristics – have not yet become the object of special studies. Russian Holocaust remembrance activists do not belong to the same ethnic group or share common political views. The only characteristic that unites many activists is their “separateness” from a local community: despite different social and ethnic backgrounds, many activists are “strangers” to a local community in one way or another. This “separateness” is related to both the nature of local activism as such and the status of the Holocaust in the Soviet-Russian memory culture. There, maintaining the memory of the Holocaust's victims does not seem the most natural activity. Often the trigger for activism is an encounter with a different, “cosmopolitan” memory culture, in which the Holocaust is regarded as one of the most important events of the Second World War with moral imperative to remember the Holocaust's victims. The article also highlights and analyzes the activism's explicit and implicit motives.

Keywords: memorial activism, memory of the Holocaust in Russia, “cosmopolitan” memory, memory culture, “separateness”.

DOI: 10.31168/2658-3364.2024.1-2.05

To cite: Kirziuk A. A. Russian Holocaust Memory Activists: Some Shared Characteristics and Motives // Judaic-Slavic Journal. 2024. № 11–12 (2024). С. 108–132.

Received: 24.09.2024. *Accepted:* 01.10.2024.

* The study was conducted within the framework of the Scholarship program of the Research Center of the Jewish Museum and Tolerance Center Private Cultural Institution (Moscow) with the financial support of A. Klyachin.

References

- Abel, M., Umanath, Sh., Fairfield, F., Takahashi, M., Roediger, H., Wertsch, J., 2019, Collective Memories across 11 Nations for World War II: Similarities and Differences Regarding the Most Important Events. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, 8, 178–188.
- Ban'kovskaia, S., 2002, Chuzhaki i granitsy: k poniatiuu sotsial'noi marginal'nosti [Strangers and Borders: on the Concept of Social Marginality]. *Otechestvennye zapiski*, 6, 457–467.
- Barkun, M., 2015. Conspiracy Theories as Stigmatized Knowledge. *Diogenes*, 62 (3–4), 114–120.
- Clément, K., Miriasova, O., Demidov, A., 2010, *Ot obyvatelei k aktivistam. Zarozhdaiuschiesia sotsial'nye dvizheniia v sovremennoi Rossii* [From Ordinary People to Activists. Emerging Social Movements in Modern Russia]. Moscow: Tri kvadrata, 688.
- Desbois, P., 2008. *The Holocaust by Bullets. A Priest's journey to Uncover the Truth Behind the Murder of 1.5 Million Jews*. London, Palgrave Macmillan, 233.
- Gutman, Y., and J. Wüstenberg, 2023, *The Routledge Handbook of Memory Activism*. London, Routledge, 558.
- Halbwachs, M., 2007, *Sotsial'nye ramki pamiati* [Social Frames of the Memory]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 348.
- Kirziuk, A. 2024, Zmievskaia balka (Rostov-na-Donu): pamiat' o Kholokoste v konkurentsii zhertv [Zmiyovskaya balka (Rostov-on-Don): Memory of the Holocaust and Competition of Victims]. *Fol'klor i antropologiya goroda*, VI (1/2), 14–38.
- Kurilla, I., 2022, *Bitva za proshloe: kak politika meniaet istoriiu* [The Battle for the Past: How Politics Changes History]. Moscow, Alpina Publisher, 232.
- Kurochkin, E., 2020, Rasstrely evreiskikh bezhentsev v Aleksandrovskom raione Rostovskoi obl. v period okkupatsii: istochniki, metodika i problemy issledovaniia [Executions of Jewish Refugees in the Aleksandrovsky District of the Rostov Region During the Occupation: Sources, Methods and Research Problems]. *Velikaia Otechestvennaia voina v istorii i pamiati narodov Iuga Rossii: sobytiia, uchastniki, simvoly*. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Rostov-na-Donu, 10–11 sent. 2020). Rostov-on-Don: Southern science center of the Russian Academy of Sciences. 409–417.
- Levy, D., Sznajder, N., 2002, Memory Unbound: The Holocaust and the Formation of Cosmopolitan Memory. *European Journal of Social Theory*. 5 (1), 87–106.
- Mel'nikova, E., 2018, Rukami naroda: sledopytskoe dvizhenie 1960–1980 v SSSR [By the People's Hands: the Sledopyt Movement in the USSR of the 1960–1980s]. *Antropologicheskii forum*, 37, 19–53.
- Miller, A., 2023, Politika pamiati v iuzhnykh regionakh Rossii (Rostovskaia oblast', Krasnodarskii i Stavropol'skii kraia) [Memory Politics in the Southern Regions of Russia (Rostov Region, Krasnodar and Stavropol

- Regions)]. *Politika pamiati v Rossii – regional'noe izmerenie* [The Politics of Memory in Russia – Regional Dimension], eds. A. Miller, O. Malinova, D. Efremenko, 298–334. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 471.
- Nikolaev, V., 2010, Chelovek marginal'nyii [Magrinal Man]. *Voprosy sotsial'noi teorii*, IV, 354–372.
- Nikzhentaitis, A., 2012, Modeli pamiati i kul'turnykh vospominanii: Pol'sha, Litva, Rossiia, Germaia [Memory and Cultural Memories Models: Poland, Lithuania, Russia, Germany]. Slovo.ru: Baltic Accent, 3, 17–32.
- Nosenko-Shtein, E., 2013, “Peredaite ob etom detiam vashim, a ikh deti sleduiushchemu rodu”. *Kul'turnaia pamiat' u rossiiskikh evreev v nashi dni* [Tell This to Your Children, and Their Children to the Next Generation. Cultural Memory Among Russian Jews Today]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 575.
- Park, R., 1928, Human Migration and the Marginal Man. *American Journal of Sociology*, 33 (6) May, 881–893.
- Petrova, D., 2024, Potreblenie novostei v sel'skoi mestnosti: (ne)doverye i strategii verifikatsii informatsii [News Consumption in Rural Area: (Dis)trust and Verification Strategies]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 4, 91–114.
- Podolskii, A., 2020, Kultura pamiati o zhertvakh Kholokosta v sovremennoi Ukraine: tendentsii i perspektivy [Memory Culture of the Victims of the Holocaust in Modern Ukraine: Trends and Prospects]. *Sokhranenie pamiati o Kholokoste na postsovetском prostranstve. Mezhdunarodnaia konferentsiia, 21–22 November, 2019, Tel-Aviv*. 153–167.
- Rebrova, I., 2020, *Re-constructing grassroots holocaust memory: The case of the North Caucasus*. Berlin: De Gruyter Oldenbourg, 369.
- Romanovskii, D., 1998, Kholokost glazami evreev – ego zhertv: na primere Vostochnoi Belorussii i Severo-Zapadnoi Rossii [The Holocaust Through the Eyes of Jewish Victims: the Example of Eastern Belarus and Northwestern Russia]. *Vestnik evreiskogo universiteta v Moskve*, 1 (17), 84–119.
- Tec, N., 2020, *When Light Pierced the Darkness. Christian Rescue of Jews in Nazi-occupied Poland*. NY, Oxford: Oxford University Press, 262.
- Zeltser, A., 2019, *Unwelcome memory: Holocaust monuments in the Soviet Union*. Jerusalem: Yad Vashem, 372.